

А
Б

На правах рукописи

БУЛАВИН Максим Викторович

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ В 1917 – 1927 гг.
(на примере Урала)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург

2000

Работа выполнена на кафедре истории России исторического факультета Уральского государственного университета

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор Попов Н.Н.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Кондрашова М.И.
доктор исторических наук,
профессор Попов М.В.

Ведущая организация: Пермский государственный педагогический университет

Защита состоится "29" сентября 2000 г. в "14" часов на заседании диссертационного совета Д 063.78.02 на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А.М.Горького (620083, Екатеринбург, пр.Ленина, 51, ауд. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Уральского государственного университета

Автореферат разослан "28" августа 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета -
кандидат исторических наук,
профессор

Овчинникова Б.Б.

Актуальность темы исследования. Религия играет значительную роль в истории народов, в их духовной культуре. Это утверждение справедливо в отношении веры большинства населения России, каковой здесь издавна было православие. Поэтому взаимоотношения церкви и государства всегда являлись одной из важнейших граней национального бытия. Далеко не всегда они складывались безоблачно. Наиболее трагичной их страницей стал послеоктябрьский период российской истории. В течение короткого времени православие превратилось из государственной религии в гонимую веру, активная позиция в защиту которой являлась поводом для репрессий властных структур в отношении большого числа людей. Преследования Православной церкви со стороны советского государства были неотъемлемой принадлежностью общественной жизни в России на протяжении ряда десятилетий.

В силу сказанного становится ясно, что без тщательного изучения особенностей церковно-государственных отношений в советский период невозможно в полной мере восстановить российскую историю XX столетия. Но такое изучение представляет не только сугубо познавательный интерес. В современной России, после того, как церковь вновь после длительного перерыва получила возможность проводить самостоятельную политику, а государство более не стремится ограничить сферу ее влияния, необычайно актуальным стал вопрос о выработке принципов их сосуществования. Они не могут быть сформулированы на спекулятивной основе, без обращения к опыту прошлого. Из него можно извлечь немало уроков, которые, будучи усвоенными, позволят избежать конфронтации между церковью и государством в будущем.

Всестороннее изучение проблем жизни церкви в советском государстве было невозможно до недавнего времени. Появлявшиеся на протяжении ряда десятилетий в Советском Союзе работы, затрагивавшие интересующие нас вопросы, освещали их крайне предвзято и односторонне. Авторы, работавшие за рубежом, были в большей степени свободны от идеологического давления, но отсутствие доступа к источникам, находящимся в советских архивах, значительно снижало научную ценность их трудов. Только в последнее десятилетие стали появляться работы, в которых ставится задача обобщения истории церковно-государственных отношений в советский период во всех их формах и проявлениях. Но широкая научная общественность до сих пор знакома преимущественно с теми исследованиями, которые посвящены изучению политики высших партийных и государственных органов в церковном вопросе и, соответственно, анализу действия руководства Православной церкви. Однако реальное осуществление решений руководящих органов происходило, главным образом, не в столице, а на местах. Поэтому действительную картину церковной жизни в России нельзя воссоздать без обращения к региональному материалу. Очевидно, что изучение истории того или иного региона, в том числе и Урала, невозможно вне рассмотрения проблем взаимоотношений между церковью и местными властными органами. Между тем, не будет преувеличением утверждение, что исследование

характера церковно-государственных отношений на Урале только начинается, и пока лишь отдельные работы, главным образом диссертационные исследования, претендуют на их освещение во всей реальной исторической полноте и многообразии. Приведенные соображения предопределяют, на наш взгляд, высокую актуальность заявленной темы.

Объект исследования – комплекс взаимоотношений в указанный период между Православной церковью и советским государством в лице властных структур всех уровней и общественных организаций, проводивших государственную политику в религиозной сфере.

Методология и методика исследования определялась особенностями выбранного для изучения объекта. Выбор в качестве объекта исследований комплекса взаимоотношений между церковью и государством предполагает использование нами системного подхода как теоретической базы работы. При этом системность как определенное свойство присуща не только выбранному нами для изучения объекту. Православная церковь также представляет собой своего рода систему, отдельные части которой находятся в сложной взаимосвязи друг с другом. Воссоздание жизни Православной церкви в тот или иной период невозможно без учета данной взаимосвязи и, следовательно, использования системного подхода. Его применение позволяет производить анализ различных сторон взаимоотношений между церковью и государством не изолированно, а с учетом места, которое они занимали в процессе взаимодействия между Православной церковью и государственной властью. Тем самым создается более адекватное представление об исторических реалиях избранного периода.

Конкретная методика исследования включает в себя традиционные методы, нашедшие распространение в исторической науке. Это синхронно-диахронный метод и метод комплексного анализа источников.

Территориальные рамки работы соответствуют границам современных Пермской, Свердловской, и Челябинской областей. Данные территории являлись в 1917 – 1927 гг., как и в последующее время, наиболее развитыми на Урале в промышленном отношении, что предопределило их особую политическую значимость для государства. В связи с этим оно уделяло пристальное внимание политической ситуации в этом регионе, в том числе и в религиозной области. Это дает возможность наблюдать государственную политику в отношении церкви на примере указанных регионов в ее активном проявлении и наибольшем разнообразии присущих ей форм.

Кроме того, социальный состав и структура занятий населения, проживавшего на территориях Западного, Среднего и Южного Урала, отличались многими сходными чертами, что, в свою очередь, явилось причиной схожести картины религиозной жизни в данных местностях. В других, преимущественно сельскохозяйственных районах Урала церковная

жизнь имела специфические особенности, что предопределило и отличия в отношениях местных властных органов с религиозными организациями. Однако мы использовали в работе и примеры из жизни верующих тех районов Урала, которые не входят в современные Пермскую, Свердловскую и Челябинскую области, поскольку в ряде случаев они соответствуют, на наш взгляд, общеуральским и даже общероссийским реалиям.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1917 по 1927 гг. 1917 г. стал рубежом, разделившим качественно различные этапы в истории Русской церкви. Государство, долго бывшее покровителем церкви, поставило перед собой задачу свести до минимума ее влияние на общество, а в перспективе – добиться ее полного исчезновения.

В качестве завершающего рубежа взят конец 1927 г. Такой выбор предопределен двумя обстоятельствами. В 1927 г. Православная церковь в лице заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) совершенно определенно заявила о своей лояльности советскому государству, завершив выработку основы своей политической линии в послереволюционный период. На протяжении последующих лет советской истории эта линия не подвергалась существенной коррекции. Советское государство, со своей стороны, до конца 1927 г. придерживалось определенного набора методов борьбы с церковью. К исходу обозначенного нами периода эти методы все в большей мере начали обнаруживать свою относительную неэффективность. Поэтому, начиная с 1928–1929 гг., борьба с религией в Советском Союзе была существенно интенсифицирована. Усиление атеистической пропаганды и, в особенности, массовое закрытие храмов качественно изменили обстановку в религиозной сфере. При этом новая ситуация принципиально отличалась от положения в религиозной области, характерного для периода до конца 1927 г. Это дает нам возможность рассматривать временной отрезок с 1917 по 1927 гг. как законченный этап в истории церковно-государственных отношений.

Историография проблемы. Изучение проблемы взаимоотношений между церковью и государством в советский период имеет в отечественной историографии давнюю традицию. Уже в первые послереволюционные годы видные деятели коммунистической партии пытались сформулировать основные принципы религиозной политики советского государства, дать оценку той роли, которую сыграла Православная церковь в бурных событиях периода революции и Гражданской войны. В этой связи заслуживают упоминания книги и статьи Н.И. Бухарина, А.И. Введенского, П.И. Красикова, А.В. Луначарского, Я. Окунева, И.И. Скворцова-Степанова, Е.М. Ярославского и др.¹

¹ Бухарин Н.И. Церковь и школа в Советской республике. – Пг., 1920; Введенский А.И. Церковь патриарха Тихона. – М., 1923; Он же. Церковь и государство (Очерк взаимоотношений церкви и государства в советской России). – М., 1923; Красиков П.И. На церковном фронте (1918 – 1923). – М., 1923; Луначарский А.В. Об

К началу 20-х гг. сформировался определенный набор тезисов, присутствовавший у вышеупомянутых авторов, как принадлежащих к обновленческому расколу, так и профессиональных атеистов, и получивший позднее широкое распространение в трудах их последователей. В него входили представление о церкви исключительно как об одной из опор свергнутой царской власти, утверждение о ее контрреволюционной роли в ходе революции и Гражданской войны в России и эксплуататорской сущности ее взаимоотношений с широкими народными массами. Авторы – атеисты прогнозировали неизбежность возникновения в среде духовенства приспособленческих тенденций, направленных на поиск путей сосуществования с коммунистической властью. Большая часть приведенных положений стала идейной основой первых специальных исследований, посвященных участию Православной церкви в событиях революции и Гражданской войны, в том числе в Сибири и на Урале. К их числу принадлежат многочисленные работы Б.П. Кандидова, а также К.П. Абросенко, Н.К. Амосова, В.К. Анвенсула².

Научная ценность трудов, вышедших в свет до Великой Отечественной войны, представляется нам весьма сомнительной. Данная оценка объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, их авторы не ставили перед собой собственно исследовательских задач. Написанные ими книги и брошюры служили определенным практическим целям: их появление было составной частью пропагандистской борьбы, которую вело в тот период советское государство с Православной церковью. Крайняя идеологическая предвзятость выразилась, в частности, в решительном отрицании фактов гонений на Православную церковь в Советском Союзе. Вторая особенность довоенных работ, значительно снижающая их качество, состоит в отсутствии научного аппарата, что не может не придавать авторским утверждениям оттенок голословности.

С конца 50-х гг. начинается новый период в отечественной историографии взаимоотношений церкви и государства. Важной особенностью историографии данного периода является значительное расширение тематики исследований. Если довоенные авторы в своих изысканиях концентрировались в основном вокруг "контрреволюционных" действий церкви в первые годы советской власти, то, начиная с 50-х гг., в поле зрения историков попадает все многообразие проблем, связанных с осуществлением государственной политики в религиозной сфере. В качестве основных направлений их изучения можно выделить следующие:

атеизме и религии (Сборник статей, писем и др. материалов). – М., 1972; Окунев Я. "Смена вех" в церкви. – Харьков, 1923; Скворцов-Степанов И.И. О "живой церкви". – М., 1922; Ярославский Е.М. О религии. – М., 1958.

² Кандидов Б.П. Религиозная контрреволюция 1918 – 1920-х годов и интервенция (Очерки и материалы). – М., 1930; Он же. Вредительство, интервенция и церковь. – М., 1931; Он же. Меньшевики и поповщина в борьбе против Октябрьской революции. – М., 1931; Абросенко К.П. Религия на службе контрреволюции в Сибири. – Иркутск, 1938; Амосов Н.К. Октябрьская революция и церковь. – М., 1939; Анвенсул В.К. Церковь и гражданская война на Урале. – Свердловск, 1937.

1) Исследование процессов формирования законодательной базы политики советского государства по отношению к религиозным организациям и первых шагов по претворению в жизнь принципов Декрета об отделении церкви от государства и других советских нормативных актов. В этой связи нельзя не упомянуть монографию М.М. Персица, которая, по существу, стала первым примером обращения к данной проблематике ³. Богатством содержащегося в ней фактического материала отличается работа В.В. Зыбковца, которая преследовала более частную задачу – проследить особенности и ход применения Декрета об отделении церкви от государства в отношении монастырей и их имущества ⁴.

2) Изучение истории становления в СССР антирелигиозной пропаганды, деятельности коммунистической партии и общественных организаций по "атеистическому воспитанию трудящихся". Своего рода обобщающей работой по данному кругу вопросов можно считать монографию Г.В. Воронцова ⁵. Одной из примечательных черт данного исследования является попытка автора подробно рассмотреть деятельность Антирелигиозной комиссии ЦК компартии и Союза безбожников. Большое количество работ советских авторов посвящено влиянию идей В.И. Ленина на идеологию и формы организации атеистического движения. В их числе, помимо исследования Г.В. Воронцова, следует упомянуть монографию М.И. Шахновича ⁶.

3) Исследование истории церковных расколов 20-х гг. Основное внимание уделялось изучению обновленческого раскола, что вполне объяснимо, учитывая преобладание обновленчества среди раскольничьих движений того периода. До сих пор не потеряла своего значения монография А.А. Шишкина, остающаяся и сегодня едва ли не единственным примером серьезного обращения нецерковного автора к проблемам, связанным с предпосылками возникновения и развитием обновленчества ⁷. Однако, несмотря на всю добросовестность, труд А.А. Шишкина не свободен от некоторых серьезных недостатков. К ним нужно отнести, прежде всего, полное замалчивание факта той беспрецедентной поддержки, которую оказывало обновленцам советское государство. В той или иной степени

³ Персиц М.М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. – М., 1958.

⁴ Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917 – 1921). – М., 1975.

⁵ Воронцов Г.В. Ленинская программа атеистического воспитания трудящихся в действии (1917 – 1937 гг.). – Л., 1973.

⁶ Воронцов Г.В. Ленинские принципы свободы совести. – Л., 1980; Шахнович М.И. Ленин и проблемы атеизма. – М. – Л., 1961.

⁷ Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. – Казань, 1970.

аналогичные недостатки свойственны и работам других авторов, которые рассматривали проблему обновленчества⁸.

Продолжали издаваться и такие работы, которые претендовали на выражение некоего обобщающего взгляда на историю церковно-государственных взаимоотношений⁹. Среди них выделяются монографии Р.Ю. Плаксина. На наш взгляд, можно утверждать, что они завершили выработку общепринятой в среде советских историков концепции по вопросу о характере эволюции политики Русской церкви в послереволюционное время.

На примере обобщающих работ по истории церкви в первое десятилетие советской власти отчетливо видны недостатки, в целом свойственные практически всем без исключения авторам, работавшим в рамках "научно-атеистической" парадигмы. Прежде всего это откровенная предвзятость. По меткому замечанию современного исследователя, "исторические труды чаще скатывались на уровень пасквилей"¹⁰. Вызывает возражения и подбор авторами источников. Преобладали ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма, деятелей атеистического движения, декреты и постановления советской власти, периодические издания. Архивные материалы использовались в значительно меньшем объеме. Некритически заимствовались сведения, почерпнутые из работ довоенных авторов. Все эти условия в совокупности не могли не приводить к формированию сильно искаженной картины церковно-государственных отношений.

Русские исследователи, жившие за рубежом, отстаивали в своих работах совершенно противоположные позиции. Отсутствие жесткого государственного контроля позволяло им свободно обсуждать табуированные для советских историков темы. Основным вопросом, привлекавшим внимание авторов Русского зарубежья, не могли не стать гонения, обрушившиеся на церковь в России после 1917 г. Наиболее известно изучение этой темы А. Боголеповым, М. Польским, Л. Регельсоном¹¹. Особняком стоит труд А. Краснова-Левитина и В. Шаврова, посвященный обновленческому расколу¹². Однако большинству работ зарубежных русских авторов присуща

⁸ Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. – М., 1971; Гордиенко Н.С. Критика новых тенденций современного православия. – Л., 1974; Он же. Современное русское православие. – Л., 1987; Он же. Эволюция русского православия (20 – 80 гг. XX столетия). – М., 1988; Моисеева А.П. Идеиные истоки модернизма современного православия. – Томск, 1984.

⁹ Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. – М., 1981; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917 – 1923 гг. – М., 1968; Он же. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской революции и гражданской войны. – Л., 1987.

¹⁰ Кривога Н.А. Власть и церковь в 1922 – 1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. – С.17.

¹¹ Боголепов А.А. Церковь под властью коммунизма – Мюнхен, 1958; Польский М. Новые мученики Российские. Ч.1 – 2. – Джорданвилль, 1949 – 1957; Регельсон Л. Трагедия русской церкви. – Париж. 1977.

¹² Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – Кюстнахт. 1977.

определенная ограниченность. Она заключается прежде всего в однообразии тем. Практически не изучались закономерности эволюции государственной политики в религиозной сфере. Достаточно поверхностно освещалась проблема реакции населения на преследования церкви. Исключение из этого общего правила составляют работы Д.В. Поспеловского¹³. Особого внимания заслуживает его труд "Русская Православная Церковь в XX веке". Исследование обращает на себя внимание прежде всего взвешенностью содержащихся в нем оценок, стремлением рассматривать факты из жизни русского православия на общем историческом фоне. Среди небольшого числа работ иностранных исследователей, посвященных интересующим нас проблемам, выделяется монография Г. Адриани¹⁴.

В числе церковных исследователей, живших в России, следует упомянуть архимандрита Иоанна (Снычева), впоследствии ставшего митрополитом Санкт-Петербургским. Известны его работы о "правых" расколах, написанные им на основе магистерской диссертации, которая была защищена в Ленинградской духовной академии в конце 60-х гг.¹⁵ До сегодняшнего дня эти монографии остаются единственными, подробно рассматривающими вопрос об оппозиции "справа" политике митрополита Сергия (Страгородского).

В конце 80-х – начале 90-х гг. отечественная историческая наука во многом изменила свои оценки церковно-государственных взаимоотношений в прошлом, что явилось следствием общего изменения идеологической атмосферы в стране. Большую роль в этом процессе сыграл 1000-летний юбилей принятия Русью христианства. На рубеже десятилетий и в течение 90-х гг. появился ряд принципиально новых исследований отечественных ученых-историков. В первую очередь следует отметить работы В.А. Алексеева, И.Г. Васильевой, О.Ю. Васильевой, А.Н. Кашеварова, М.Ю. Крапивина, М.И. Одинцова и др.¹⁶ В их исследованиях рассматриваются вопросы, которые ранее игнорировались или освещались очень поверхностно

¹³ Поспеловский Д.В. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. – М., 1991. – С.68 – 89.; Он же. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. – 1993. - № 1. – С. 42 – 54.; Он же. Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.

¹⁴ Adrianij G. Geschichte der Kirche Osteuropas im XX Jahrhundert. – Paderborn., 1992.

¹⁵ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия – григорианский, ярославский, иосифлянский, викторианский и другие, их особенности и история. – Сортавала, 1993; Он же. Стояние в вере. Очерки церковной смуты. – СПб., 1995.

¹⁶ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М., 1991; Он же. "Штурм небес" отменяется?: критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992; Васильева И.Г. Российское государство и религия (1917 – 1920-е гг.). – Уфа, 1998; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в 1917 – 1927 годах // Вопросы истории. – 1993. - № 8. – С.40 – 54.; Кашеваров А.Н. Государство и церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и русской православной церкви. 1917 – 1945 гг. – СПб., 1995; Он же. Государственно-церковные отношения в советском обществе 20-х – 30-х гг. (Новые и малоизученные вопросы). – СПб., 1997; Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917 – 1941 гг.). – Волгоград, 1993; Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917 – 1939 гг.). – М., 1991; Он же. Государство и церковь в России: XX век. – М., 1994.

как светскими, так и церковными авторами. Среди них – роль отдельных членов большевистского руководства в осуществлении антицерковных мероприятий, деятельности карательных органов советского государства в области борьбы с религией, "неофициальная" сторона компании по изъятию ценностей и т.д. Естественно, что произошло и общее изменение позиции ученых – от поддержки государственной атеистической политики к признанию несправедливости гонений в отношении Православной церкви.

Реализация новых подходов к рассмотрению церковно-государственных отношений в 20-е гг. во многом стала возможна благодаря привлечению новых источников, среди которых особое место занимают документы репрессивных органов и высшего руководства коммунистической партии. Во многом на основе этих документов написана монография Н.А. Кривовой, посвященная вопросам антицерковной политики советского руководства в период до смерти патриарха Тихона¹⁷. Однако следует признать, что ввод в широкий научный оборот данных источников только начинается.

Заметно активизировалась в последние годы деятельность церковных исследователей, что привело к появлению ряда работ, в той или иной степени затрагивающих рассматриваемые нами проблемы. Среди них выделяются труды В.И. Баделина, М.И. Вострышева, иеромонаха Дамаскина (Орловского)¹⁸. За некоторыми исключениями, касающимися, например, изучения истории обновленческого и других расколов, работам церковных авторов свойственна некоторая узость тематики. Их исследования в ряде случаев представляют собой биографии и материалы к биографиям церковных деятелей 20-х гг. Рассмотрению тех или иных аспектов государственной политики в отношении церкви в той или иной мере, в которой она не сводилась к собственно репрессиям, уделяется меньшее внимание. Некоторое исключение составляют работы протоиерея В. Цыпина и священника А. Николина¹⁹.

Существует сравнительно небольшое число исследований светских историков, специально рассматривающих вопросы взаимоотношений церкви и государства на Урале или в какой-то мере их затрагивающих²⁰. Набор тем,

¹⁷ Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922 – 1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997.

¹⁸ Баделин В.И. Золото церкви: Исторические очерки и современность. – Иваново, 1993; Нежный А. Комиссар дьявола. – М., 1993; Дамаскин (Орловский), иеромонах. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. В 2-х кн. – Тверь, 1994 – 1996; Их страданиями очистится Русь. – М., 1996; Вострышев М.И. Патриарх Тихон. – М., 1997; Любовью побеждая страх. Жизнеописания новомучеников Российских. – Фрязино, 1998; Рогозянский А. Страсти по мошам. Из истории гонений на останки святых в советское время. – СПб., 1998; Простите, звезды господни! Исповедники и согледатели в документах, или Зачем русскому церковь? / Сост. В.А. Королев. – Фрязино, 1999.

¹⁹ Цыпин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. – М., 1994; Николин А., священник. Церковь и государство. – М., 1997.

²⁰ Музафарова Н.И. Изъятие церковных ценностей на Урале в 1922 г. для помощи голодающим // Сб. аспирант. работ Свердлов. юридич. ин-та. Вып.13. – Свердловск, 1971. – С. 75 – 79. Она же. Уральские партийные организации в борьбе против реакционной деятельности церкви и духовенства (1917 – 1925) //

который использовался исследователями, и принципы их освещения в общем и целом совпадают с принятыми в общероссийской историографии. Им свойственны и все недостатки, присущие трудам советских историков. Определенный перелом произошел в начале 90-х гг. Н.И. Музафарова и М.Г. Нечаев пересмотрели свои прежние позиции по отношению к Православной церкви. Для их последних трудов характерна значительно большая лояльность к православным духовным ценностям и сочувствие судьбе церкви после революции²¹.

Тем не менее, имеющиеся работы не могут претендовать на обобщение всего опыта церковно-государственных взаимоотношений в первое послереволюционное время. Таким образом, и сегодня существует настоятельная потребность в создании научных трудов, которые могли бы заполнить пробелы, образовавшиеся в процессе изучения проблем церковной истории на Урале.

Цели и задачи исследования. Цель диссертации определяется выбранным объектом исследования. Основная цель работы состоит в реконструкции истории взаимоотношений между государством и церковью на Урале в 1917–1927 гг. В связи с этой целью были определены следующие основные задачи:

- показать сущность политики, проводившейся Временным и советским правительствами в религиозном вопросе в 1917–1927 гг.;
- рассмотреть реакцию духовенства и мирян Православной церкви на политические перемены в стране и действия властей в отношении религиозных организаций;
- проследить эволюцию церковно-государственных отношений на Урале на протяжении указанного периода, установить особенности, присущие отдельным этапам их развития;

Партийные организации Урала в борьбе за упрочение завоеваний Октябрьской революции. – Свердловск, 1979. С. 20 – 27.; Она же. Октябрь и организация антирелигиозного воспитания на Урале // Октябрь на Урале: история и современность. – Свердловск, 1987. – С. 41 – 43.; Она же. Из истории церковной контрреволюции на Урале // Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918 – 1919): Сб. научн. тр. – Свердловск, 1990. – С. 106 – 117.; Она же. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917 – 1937). – Иркутск, 1987; Комиссарова Э.Я. Из истории отделения церкви от государства и школы от церкви на Южном Урале // Некоторые вопросы марксистско- ленинской философии. Вып. 4. – Челябинск, 1973. – С. 91 – 99.; Крашенинникова В.И. Партийное руководство организацией Союза воинствующих безбожников Урала (1926 – 1936 гг.) // Сб. аспирант. работ Свердл. юрид. ин-та. Вып. 16. – Свердловск, 1973. – С. 80 – 88.; Нечаев М.Г. Крах церковной контрреволюции на Урале (1917 – 1919) // Победа Октябрьской революции и гражданская война на Урале: Тез. докл. научн. конфер. – Свердловск, 1987. – С. 63 – 64.; Он же. Борьба церкви с крестьянским движением на Урале // Классовая борьба на Урале в период империализма и утверждения диктатуры пролетариата: Сб. научн. тр. – Пермь, 1989. – С. 40 – 54.; Он же. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале 1917 – 1919 гг. Диссертация... канд. ист. наук. – Пермь, 1988.

²¹ См.: Музафарова Н.И. Политика советского государства в религиозном вопросе в 1917 – 1938 гг. (На материалах Урала). Диссертация ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 1992; Нечаев М.Г. Красный террор и церковь на Урале. – Пермь, 1992; Он же. Страсти по Андроннику. – Пермь, 1996.

- выявить основные методы, которые применялись советским государством в борьбе с Православной церковью;
- определить специфические черты, отличавшие государственную политику по отношению к церкви на Урале;
- оценить эффективность антицерковных мероприятий властей.

Источниковая база исследования. Основу источниковой базы диссертации составили материалы, находящиеся в центральных и местных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском центре хранения и исследования документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААСО), Государственном архиве новейшей истории Пермской области (ГАНИПО), Государственном архиве Пермской области (ГАПО), Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Отделе по делам архивов администрации г. Нижнего Тагила (ОДААНТ), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

В зависимости от происхождения исследованные автором архивные источники можно разделить на 4 группы:

1) Документы государственных органов. Материалы, входящие в данную группу, представлены в основном нормативными актами советского государства, договорами с религиозными общинами, делопроизводственной документацией административных органов, перепиской с религиозными организациями и документами статистического характера. В целом они отражают внешнюю, формально-юридическую сторону контактов церкви и советского государства. Особое значение имеют документы репрессивных органов. Их анализ дает возможность установить характер антицерковной политики властей и вычленил некоторые специфические методы, которые применялись карательными органами в борьбе с религиозными организациями.

2) Документы коммунистической партии. Они отражают прежде всего подоплеку государственной политики в религиозной области, в том числе вопросы, связанные с ее формированием.

3) Документы религиозных организаций, принадлежащие как патриаршей церкви, так и обновленческим общинам и руководящим органам. В состав данной группы входят материалы собраний различного уровня, переписка с органами государственной власти, указы и распоряжения "тихоновского" и обновленческого церковного руководства и т.д. Эти материалы представляют в распоряжение исследователя большое количество ценных сведений о внутренней жизни религиозных общин и объединений в 1917 – 1927 гг., позволяют судить о ее эволюции на протяжении ряда лет.

4) Документы общественных организаций, проводивших в 20-е гг. антирелигиозную пропаганду. В работе использованы, главным образом, документы Союза безбожников (СБ). Их содержание дает возможность судить не только о деятельности центральных и местных органов СБ, но и о состоянии религиозности населения в 20-е гг.

Другую группу источников составили периодические издания, издававшиеся партийными и государственными органами власти и религиозными организациями.

Из опубликованных источников большое значение имеет двухтомник "Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922 – 1925 гг.", подготовленный к изданию Н.Н. Покровским и С.Г. Петровым²². На страницах этого собрания документов впервые опубликованы материалы из Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности и других центральных архивов, посвященные проведению антицерковной политики в 20-е гг. Высокими качествами отличается и подготовленное Православным Свято-Тихоновским Богословским институтом издание "Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России"²³.

Краткий обзор источниковой базы настоящего исследования показывает, что оно обеспечено необходимыми документами и материалами и позволяет решить поставленные в его рамках задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем предпринята попытка комплексного изучения взаимоотношений между церковью и государством на Урале в один из наиболее сложных периодов их истории. В такой постановке и при таком хронологическом охвате данная проблема почти не рассматривалась в исторической науке. При этом учитывались как закономерности развития государственной политики в религиозной области, так и эволюция политической линии Православной церкви, направленной на поиск подобающего для церкви места в советском обществе. Такой подход дал возможность выделить, с одной стороны, общие, а, с другой – местные особенности церковно-государственных отношений, показать на примере Урала суть шедших в советской России духовных процессов.

Практическая значимость работы.

– Диссертация содержит значительный объем ранее малоизвестной и неизвестной информации по истории как Православной церкви на Урале, так и государственной политики в отношении религиозных организаций. Эта информация может быть использована специалистами различного профиля.

– Исследование позволяет внести определенные коррективы в привычные представления об особенностях церковной истории 1917 – 1927 гг., присутствующие как в общественном сознании, так и в научной литературе.

²² Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922 – 1925. В 2-х кн. – Новосибирск – М., 1997 – 1998.

²³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 гг. / Составитель М.Е. Губонин. – М., 1993.

– Принципы и подходы, на основе которых производилось исследование, могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения церковной истории Урала и России.

– Результаты исследования используются при разработке спецкурса по истории Русской Православной Церкви в XX столетии. Их возможно применить и при разработке спецкурса "История Православной церкви на Урале".

Апробация работы. Основные положения исследования заслушивались на Всероссийской научной конференции "Судьба России: духовные ценности и национальные интересы" (Екатеринбург, 1996), научной конференции "История России в первой трети XX века: историография, источниковедение" (Екатеринбург, 1996), региональной научной конференции "Первые уральские военно-исторические чтения" (Екатеринбург, 1997), региональной научной конференции "Первые Татищевские чтения" (Екатеринбург, 1997), Всероссийской научно-практической конференции "Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность" (Екатеринбург, 1997), Всероссийской научной конференции "Интеллигенция в России на пороге XXI века: система духовных ценностей в исторической динамике" (Екатеринбург, 1998), региональной научно-практической конференции "Тагильский край в панораме веков" (Нижний Тагил, 1999), региональной научной конференции "Вторые уральские военно-исторические чтения" (Екатеринбург, 1999), научной конференции стипендиатов фонда Г. Белля (Санкт-Петербург, 1999).

Структура диссертации определена целями и задачами работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

Все даты с февраля 1918 г. даны по новому стилю.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируется цель и задачи исследования, определяются его территориальные и хронологические рамки, дается анализ степени научной разработанности проблемы, характеризуется источниковая база.

В первой главе "Государственная политика по отношению к церкви в период революции и Гражданской войны" раскрываются процессы, связанные с изменением характера церковно-государственных отношений в период революции 1917 г. и в первые годы советской власти. Автор показывает, что уже падение царского режима в феврале 1917 г. привело к резкому изменению юридического статуса Православной церкви. Временное правительство рядом изданных им нормативных актов лишило церковь присущего ей прежде первенствующего места среди других исповеданий. Православие превратилось

всего лишь в одну из многих религий, которые исповедовало население России.

В диссертации рассмотрено влияние революции на внутреннюю жизнь церкви. Оно выразилось, в частности, в существенном изменении характера взаимоотношений между священнослужителями и паствой, шедшем вразрез с традиционными православными нормами: происходило уменьшение жалования клирикам, имели место захват церковных земель и изгнание из приходов неугодных мирянам представителей духовенства. Усиливались атеистические настроения в массах. Тем не менее, значительная часть уральского духовенства восприняла революционные события вполне сочувственно, связывая с ними надежды на расцвет духовной жизни в стране. В наибольшей степени подобные настроения выразились на проходивших весной – летом 1917 г. съездах уральского духовенства, резолюции которых носили радикальный характер. Лишь в Пермской епархии епископу Андронику удалось удержать подведомственных ему клириков и мирян от действий и заявлений, направленных на поддержку революции.

Автором установлено, что по мере развития революции в России наблюдалось определенное изменение позиций духовенства по отношению к происходящим событиям. Испуганные атеизацией широких масс населения, некоторыми антицерковными акциями правительства и угрозой, нависшей над государством, священнослужители стали несколько консервативнее в своих взглядах. Изменение настроений определило ход Поместного Собора 1917 – 1918 гг., в работе которого приняли активное участие представители уральских епархий. Восстановив патриаршество, Собор вернул Русскую церковь к каноническим основам управления. В вопросе об отношениях с государством Собор последовательно отстаивал необходимость занятия Православной церковью особого положения в государстве.

Приход к власти большевиков означал очередное резкое изменение во внешнем положении церкви. Диссертант согласен с утверждениями ряда авторов о том, что большевистское руководство выстраивало свои отношения с религиозными организациями на основе марксистского тезиса о принадлежности религии к надстройке эксплуататорского общества, вследствие чего для нее не оставлялось места в будущем. Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, принятый в январе 1918 г., должен был привести в процессе своей реализации к исчезновению церкви. Автору удалось установить, что практическое исполнение Декрета на территории Урала шло медленно, чему способствовал ряд обстоятельств. Среди них необходимо выделить отсутствие разработанной законодательной базы, которую местные органы власти могли бы использовать в ходе претворения Декрета в жизнь, неразвитость системы административных органов, наличие ряда других острых проблем, стоявших перед советской властью. Сама реализация Декрета на Урале затронула первоначально сравнительно небольшую часть церковных общин и храмов. Тем не менее, 1917 – 1918 гг. не были бесконфликтными в отношениях между церковью и местными властями. В ходе попыток захвата последними церковного имущества, а также в

условиях большевистского террора, направленного против духовенства, погибло значительное число священно- и церковнослужителей. С особой интенсивностью репрессии осуществлялись в прифронтовой полосе во время успешного наступления белых войск. Общее число клириков и монахов, убитых на территории Урала до ее занятия белыми, как установлено автором, превышало 150 человек. Наиболее тяжелыми были потери в среде пермского духовенства. В Пермской епархии репрессии коснулись не только рядовых священников, но и иерархов.

Анализ источников позволил автору подтвердить ранее неоднократно высказывавшееся утверждение о сочувственном отношении уральского духовенства к белому движению. Вместе с тем, в диссертации подвергнут сомнению широко распространенный в советской историографии тезис об активной и разносторонней поддержке белых со стороны большей части уральского духовенства, выразившейся, якобы, в широком участии духовенства в белогвардейских формированиях. На территории Урала имели место в основном немногочисленные акции идеологического характера, в ходе которых священнослужители заявляли о своей моральной солидарности с белыми.

Как показано в исследовании, политическая позиция, занятая высшим руководством Православной церкви, не способствовала однозначной поддержке белых со стороны духовенства. Патриарх Тихон неоднократно заявлял о нейтралитете церкви в ходе гражданского конфликта. Советское правительство, заинтересованное в поддержке населения, со своей стороны, значительно снизило, начиная с 1919 г., интенсивность антицерковных репрессий. Не случаен факт имевших место в Екатеринбургской епархии молебнов о победе Красной армии во время войны с Польшей. Однако сокращение практики антицерковных репрессий на заключительном этапе Гражданской войны явилось со стороны властей только временной уступкой насущным требованиям момента. Сама линия на постепенную ликвидацию церкви как организации не пересматривалась, и, как только Урал был вновь занят красными войсками, полномасштабное осуществление Декрета об отделении церкви от государства продолжилось.

Одним из доказательств решимости советских властей продолжать взятый ранее курс на борьбу с православием явилась кампания по изъятию церковных ценностей, связанная с голодом 1921 – 1922 гг. В диссертации доказывается несостоятельность имевшего широкое хождение в советской литературе утверждения о том, что изъятие церковных ценностей явилось для государства последней возможностью спасти жизни тысяч погибавших от голода людей. Анализ источников позволил установить, что началу кампании предшествовала чрезвычайно вялая работа властей по мобилизации продовольственных ресурсов. Сама начавшаяся кампания не могла выполнить официально поставленных перед ней задач, так как стоимость хранившихся в церквях драгоценностей была существенно преувеличена, а темпы проведения кампании были слишком медленными для того, чтобы реально помочь голодающим. Продовольственная помощь, полученная населением Урала в

обмен на отправленные в центр церковные ценности, была ничтожной и существенно уступала по своим объемам поставкам продовольствия из-за рубежа. Таким образом, изъятие церковных ценностей не могло решить проблему голода.

Значительно большего успеха достигла эта кампания в своей антицерковной составляющей. В ходе ее государству удалось запугать духовенство, расколоть его единство и дезорганизовать управление церковью. При этом власти в очень ограниченном объеме прибегали к прямым репрессиям. Диссертантом установлено, что на Урале в ходе изъятия церковных ценностей не произошло кровавых столкновений и не было вынесено смертных приговоров на последовавших затем судебных процессах. Достичь своих целей государству помогла широкая антицерковная кампания в прессе и организация расколов в церкви. Кампания по изъятию церковных ценностей проводилась с большей организованностью, чем все предшествовавшие антицерковные мероприятия. Таким образом, она явилась своеобразным водоразделом двух периодов во взаимоотношениях церкви и государства. Наряду с прежней, сугубо репрессивной практикой, государство продемонстрировало в ее ходе новые методы борьбы с Православной церковью, заключавшиеся в поддержке церковных расколов и широкой пропагандистской работе. Эти методы широко применялись в 1923 – 1927 гг.

Во второй главе "Церковные расколы 20-х гг." рассматриваются возникновение и эволюция церковных расколов 1920-х гг. в России и на Урале, раскрывается роль, которую играла поддержка церковных расколов в антирелигиозной политике государства. Автор показывает, что поддержка церковных расколов, преимущественно обновленческого, являлась наиболее эффективным для Советского государства способом контроля над религиозной жизнью православного населения на протяжении 20-х гг. В организации обновленческого движения существенную роль сыграли органы ГПУ. Возникновение обновленческого раскола в уральских епархиях произошло в сроки, совпадавшие с теми, которые были характерны для остальной России. Диссертантом выделены два основных этапа в истории уральского обновленчества до 1927 г. Первый охватывает непродолжительный период со второй половины 1922 г. до лета 1923 г. Он связан с быстрым ростом обновленчества и его распространения по всей территории Урала. Среди раскольничьих группировок в этот период на Урале наибольшей популярностью пользовались "Живая церковь" и Союз общин Древле-Апостольской церкви. Как и повсюду в России на Урале раскол привлек на свою сторону преимущественно представителей духовенства и в значительно меньшей степени затронул мирян.

Уже в период относительного преобладания обновленчества появились первые признаки его кризиса, связанного с отсутствием широкой поддержки раскола в массе верующих. Несмотря на крайне неблагоприятную для себя обстановку, православные общины в Пермской, Екатеринбургской и других епархиях предприняли попытки противодействия расколу. Наиболее успешной

среди них следует признать организацию Нижнетагильской православной епархии, которой в значительной степени удалось объединить "тихоновские" приходы всего Среднего и отчасти Западного Урала. Разгром епархии органами ГПУ служит убедительным доказательством наличия деятельной поддержки обновленцев со стороны государства.

Рубежом второго периода является лето 1923 г., когда начался очевидный упадок обновленческого движения на Урале. Совпадение его начала с освобождением патриарха Тихона позволяет сделать вывод о подчиненности уральской церковной жизни тем процессам, которые происходили в России в целом. Характерной чертой нового периода, продолжавшегося до 1927 г., является частичное воссоздание на Урале православной иерархии, исчезнувшей в ходе кампании по изъятию церковных ценностей и развития обновленческого раскола. Автором установлено, что наибольшее количество "тихоновских" епископских кафедр было создано в Пермской епархии, крупные антиобновленческие центры существовали и на Среднем Урале. В этот период верующие нашли эффективные методы борьбы с расколом. Особое место среди них принадлежит финансовой блокаде находившихся в расколе клириков. В результате в 1923 – 1925 гг. наблюдался мощный отток священнослужителей из обновленчества в "тихоновскую" церковь, а в ряде округов Уральской области к 1925 г. были созданы предпосылки для окончательного восстановления единства церкви.

Православным общинам не удалось решить эту задачу только вследствие усиленного противодействия со стороны органов ГПУ, заинтересованных в сохранении ситуации церковного раскола. Можно сделать вывод, во-первых, о той огромной значимости, которую имело обновленчество для проводимой государством политики в религиозной сфере, и, во-вторых, о содействии карательных органов как о неперменном условии его существования. Несмотря на последнее обстоятельство, численность обновленческих приходов на Урале неуклонно снижалась. По нашей оценке, к 1927 г. она составляла 26 – 27 % от общего числа приходов, относивших себя к Православной церкви. Следовательно, Урал в этом отношении занимал промежуточное положение между европейской частью России, с одной стороны, и Сибирью и Средней Азией, с другой. Подтверждается неоднократно высказанный ранее тезис о количественном росте обновленчества по мере продвижения на Юг и Восток страны. На Урале распределение "тихоновских" и обновленческих общин происходило неравномерно. На территории современной Челябинской обл., в противоположность другим районам, позиции раскола были достаточно прочны. Причины возникновения этой особенности нуждаются в дальнейшем исследовании.

Крах обновленчества побудил власти к организации других церковных расколов. Наибольшее распространение среди них на Урале получило григорьевство, основателем которого стал архиепископ Свердловский Григорий. Предпосылками для развития этого раскола послужили достаточно сложная ситуация в вопросе о преемстве высшей церковной власти после

смерти патриарха Тихона и недостаточная информированность верующих о текущих церковных делах. Разностороннюю поддержку григорьевцам оказали органы ГПУ: раскольники сумели добиться для себя официальной регистрации, а их противники подверглись репрессиям. Тем не менее, григорьевству не удалось завоевать господствующих позиций даже в окрестностях областного центра, где влияние архиепископа Григория было особенно сильным. Вскоре после своего возникновения григорьевский раскол стал клониться к упадку.

Особое внимание уделено в диссертации рассмотрению вопроса о реакции широких православных масс на появление в 1927 г. Декларации митрополита Сергия, провозглашавшей полную лояльность церкви советскому государству. Утверждение некоторых историков о неприятии Декларации верующими Урала нами расценивается как недостаточно обоснованное. Этот важный документ с пониманием был воспринят большей частью иерархии, рядового духовенства и мирян. Общий вывод, сделанный автором в результате рассмотрения истории церковных расколов 20-х гг. на Урале, заключается в следующем: поддержка, оказанная раскольникам советской властью, была достаточно эффективным методом борьбы с церковью. Однако церковь сумела найти контрмеры против расколов, а сами группировки раскольников быстро вошли в стадию внутреннего разложения. К концу 20-х гг. покровительство им уже не приносило желательных для властей результатов.

В третьей главе "Идеологическое и административное наступление на церковь в 1922 – 1927 гг." анализируются основные методы идеологического и административного давления государства на церковь в 1922 – 1927 гг., дается оценка эффективности антицерковных мероприятий государства, рассматривается состояние религиозности уральского населения. Автор считает, что потенциально весьма эффективным средством борьбы властей с православием являлась антирелигиозная пропаганда. Ее расширение и качественное совершенствование могли привести к резкому сокращению числа активных верующих. Однако, несмотря на значительные возможности антирелигиозной пропаганды, партийное руководство стало уделять ей пристальное внимание только начиная с 1922 г. Основными формами антирелигиозной пропаганды в 1920-е гг. являлись распространение печатной продукции и организация устной пропаганды в виде диспутов и лекций.

"Стержневой" структурой, взявшей на себя основной объем пропагандистской работы, стало Общество друзей газеты "Безбожник" (Союз безбожников). Появление ячеек атеистов, объединившихся вокруг газеты "Безбожник", первоначально носило на Урале, как и в других районах страны, стихийный характер. Под воздействием указаний из центра местное партийное руководство в 1925 г. форсировало процесс создания кружков СБ. Данным обстоятельством объясняется бурный рост числа ячеек и руководящих структур этой организации на Урале во второй половине 1925 – начале 1926 гг. Однако, не подкрепленный реальным усилением атеистических настроений в народе, этот рост не мог не происходить преимущественно на бумаге.

Созданные ячейки "безбожников" насчитывали, как правило, небольшое число членов и зачастую не вели никакой работы. Социальный состав "безбожников" не отличался широтой. "Безбожное" движение на Урале испытывало серьезные кадровые и финансовые проблемы. В результате в 1926 – 1927 гг. наблюдался полный развал атеистической пропагандистской работы в Уральской обл., связанный как с кризисом Союза безбожников, так и с пассивностью других общественных организаций в деле атеистической пропаганды. Тяжелый для атеистического движения на Урале период продолжался вплоть до конца 20-х гг. Таким образом, согласно точке зрения автора, пропагандистская работа Союза безбожников и других организаций не могла стать действенным фактором, способствующим отходу от религии широких слоев местного населения.

Непременной составляющей антирелигиозной политики советского государства являлись различные меры административного давления на церковь. Они включали в себя запрет на различные виды деятельности со стороны религиозных организаций, неблагоприятную для церкви налоговую политику, ограничение гражданских прав священнослужителей и монахов, ликвидацию религиозных обществ и закрытие молитвенных зданий. В работе показывается, что, несмотря на всю тяжесть этих мер для церкви, они не были непереносимым бременем для православных "тихоновских" общин, причинив существенный ущерб только обновленческому расколу. Богослужбная деятельность в рамках православных приходов осуществлялась в сопоставимых с дореволюционными временами масштабах. Общее количество православных храмов незначительно изменилось по сравнению с периодом до 1917 г. Таким образом, административные меры, применяемые в объеме, характерном для 20-х гг., могли дать ощутимый результат только в отдаленной перспективе. Осознание данного факта, а также очевидный крах обновленческого движения заставили властные структуры активизировать антирелигиозную политику в конце 20-х – начале 30-х гг.

В силу сказанного автор пришел к выводу об очень ограниченном успехе антирелигиозной пропаганды и административного давления на церковь в 20-е гг. Данный вывод подтверждается сохранением высокого уровня религиозности уральского населения в рассматриваемый нами период. Устои православной веры были достаточно прочны не только в среде крестьянства, но и среди городской и сельской интеллигенции, торгово-промышленного городского населения, части рабочего класса. К 1927 г. отмечалось укрепление религиозности в некоторых слоях уральского общества. Тем не менее, не подлежит сомнению факт отхода от церкви значительной части сельской и городской молодежи, а также рабочих средних возрастов. Поскольку атеистическая пропаганда не могла оставить в то время заметного следа в умонастроениях людей, а сами уральские атеисты не связывали рост безбожия со своей деятельностью, в работе сделан вывод, что отход от церкви части населения явился следствием шедших еще в дореволюционное время процессов секуляризации общественного сознания.

В заключении диссертации подведены итоги исследования, проанализированы причины изменения характера церковно-государственных отношений в рассматриваемый период, сделаны выводы об эволюции политической линии церкви и государства в отношении друг друга в 1917 – 1927 гг.

Основные положения диссертации изложены автором в публикациях:

1. Закрытие церквей в Тагильском округе на рубеже 20 –30-х гг. // История России в первой трети XX века: историография, источниковедение. Тез. научн. конфер. Екатеринбург, 1996. С. 25 – 27.
2. Национализм и традиции русской духовности // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы: Тез. Всерос. научн. конфер. Екатеринбург, 1996. С. 34 – 36.
3. Политическая позиция Русской Православной Церкви в период гражданской войны // Первые уральские военно-исторические чтения. Мат. регион. конфер. Екатеринбург, 1997. С. 57 – 60.
4. Обновленчество на территории Тагильского округа в 1925 – 27 гг. // Первые Татищевские чтения. Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С. 177 – 180.
5. Православная церковь и общественное движение в России в начале XX века // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность. Мат. Всерос. научно-практич. конфер. Екатеринбург, 1997. С. 25 – 27.
6. Православные общины Тагильского округа и церковный раскол 1920-х годов // Тагильский край в панораме веков. Мат. научно-практич. конфер. Екатеринбург, 1997. С. 91 – 96.
7. Проблема лояльности советскому режиму в церковной жизни 20-х гг. // Интеллигенция в России на пороге XXI века: система духовных ценностей в исторической динамике. Тез. Всерос. научн. конфер. Екатеринбург, 1998. С. 55 – 56.
8. Голод 1921 – 1922 гг. и изъятие церковных ценностей на Урале // Конференция стипендиатов фонда Генриха Белля. СПб., 1999. С. 38 – 40.
9. Пермские священнослужители и Гражданская война // Вторые уральские военно-исторические чтения. Мат. регион. научн. конфер. Екатеринбург, 2000. С. 119 – 121.